

F \* W



FANTASY ✧ WORLD

ВИКТОР ТОЧИНОВ

# НЕБО ЦВЕТА КРОВИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445  
Т64

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 19

Оформление художника *Владимира Ненова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства  
считается противоправным и преследуется по закону*

**Точинов, Виктор**

Т64 Эриданские войны: Небо цвета крови / Виктор Точинов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-110773-4

Четвертый век Эры Переселения. В системе Эридана, заселенной колонистами-землянами и весьма богатой планетами земного типа, бушует жестокая гражданская война.

Православная империя, копирующая уклад империи Романовых, адаптированный к новым условиям. Столкнулась в схватке не на жизнь, а на смерть с Эриданским Союзом, пытающимся вновь построить общество, основанное на марксистских принципах.

Неожиданно в жестокую междоусобицу эриданцев вмешивается третья сила... Сумеют ли идейные антагонисты объединиться и дать отпор врагу? Сберегут ли главное сокровище, вывезенное с Земли?

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

**ISBN 978-5-17-110773-4**

© Виктор Точинов, 2018  
© ООО «Издательство АСТ», 2018

## ПРОЛОГ

Орбитальный ДООТ «Заря свободы»,  
42 год Э.П.К.

Экраны внешнего обзора гаснут — разом, все одновременно — и несколько томительных секунд неясно: прекратил ли существование третий уровень защиты, или же всё значительно хуже.

«Один... два... три...» — мысленно произносит Леонед\*, подсознательно растягивая отсчет, удлинняя паузы между звучащими в голове цифрами.

Незамысловатый прием не помогает: «ше-е-е-есть, се-е-е-е-емь...» — всё, дальше считать смысла нет. Только что пирозаряды отшвырнули в космос обломки: искореженные орудийные, ракетные и излучающие установки, и немногие уцелевшие системы внешнего наблюдения и управления огнем, и разбитые прямыми попаданиями эмиттеры защитных полей, и устройства, обеспечивавшие энергией и боеприпасами оборонительные узлы уничтоженного третьего уровня.

\* Расшифровка имен жителей Эриданского Союза приведена в кратком словаре имен и топонимов.

Потому что орбитальный ДОТ «Заря свободы» отдаленно напоминает плод эрладийской песчаной пальмы: ядро — небольшой астероид, выведенный на планетарную орбиту, над ним — точь-в-точь как оболочки упомянутого плода — надстроены шесть искусственных оболочек, шесть защитных уровней.

Сейчас, вместо сокрушенного третьего, в бой должен был вступить четвертый. Но почему-то не вступает...

Экраны остаются темными, динамики молчат. Либо датчики четвертого уровня, сканирующие окружающее пространство во всех диапазонах, мгновенно вышли из строя, либо их сигналы не доходят до сердца ДОТа, до командного пункта.

Все системы, управляющие оборонительным и наступательным оружием, рапортуют: то, чем им надлежит управлять, отсутствует. Вообще. Напрочь. На всех четырех оставшихся уровнях отсутствует. Словно прилетела четырехкрылая птица батхан, известная любительница пальмовых плодов, — огромная такая птица, разросшаяся до гигантских размеров и как-то научившаяся порхать в космосе. Прилетела, щелкнула клювом, — и разом раскусила все оболочки, небрежно отбросила в сторону, и вот-вот полакомится нежным сочным ядром...

Командный пункт ДОТа. Небольшой оперативный зал, укрытый в самой сердцевине астероида. Стена, идущая полукругом — один огромный сплошной экран, состоящий из массы экранов поменьше. Вдоль нее — тоже полукругом, снизу, — столы, дисплеи, напряженные спины людей. Вернее, четырех людей и одного трезианина. Эти пятеро — весь гарнизон, остальное делает автоматика. Стук клавиш. Негромкие разговоры.

— Энергетический — норма.

— Жилой блок — норма.

— Шлюз-три — связи нет.

— Проклятье!

— Шлюз-два — связи нет.

— Проклятье!

— УЭСы — норма.

— Шлю-ю-юс-с оти-и-ин — с-с-сфяс-си нет, — трезианин шипит, растягивая гласные и оглушая звонкие согласные.

— Р-р-р-р-р... — Это уже человек, не нашедший слов для выражения эмоций.

— АРБ — готовность минус десять.

— Зет-туннель — связи нет.

Глухой удар — кулак с размаху опускается на мягкий пластик стола.

Киберы из аварийно-ремонтной бригады через считанные секунды будут готовы ринуться устранять неисправности. Но что ждет их там, за шлюзами, ведущими на внешние оборонительные уровни?

«Устрица...» — Леонеду вновь приходит в голову биологическая аналогия. ДОТ «Заря свободы» похож сейчас на устрицу, не имеющую ни глаз, ни ушей. Моллюск ощущает — что-то не так, что-то изменилось в окружающем мире. Но что? Лежит ли он на прибрежном песке, на линии прибоя — и следующая же волна вернет в родную стихию? Или — банкетный стол и фарфоровая тарелка? Надо приоткрыть створки, но... Но это может очень плохо закончиться: может быть, уже приготовлен острый крючок, — зацепить, выдрать из раковины нежное тело моллюска...

Леонед не только не пробовал — он никогда не видел устриц, лишь читал о них в старых книгах.

И у него мелькает абсолютно несвоевременная мысль: «Или крючками извлекали мясо лангустов? (Их Леонед тоже никогда не видел.) А скорлупу устриц раздавливали специальными...»

Мысль остается незаконченной. Оглушительный вопль перекрывает тихое гудение аппаратуры и негромкие фразы.

— ЭКРАНЫ!!! — истошно кричит человек.

Леонед рывком распахивает глаза — и перестает видеть мелькание цифр на видеоматрицах, имплантированных на внутреннюю сторону век.

Экраны включились — все до единого. И на каждом одно и то же изображение: лицо человека крупным планом. Холеное породистое лицо. Немолодой — на лбу залегли три горизонтальные морщинки, виски густо серебрят седина, остальная шевелюра серо-стального оттенка.

Леонед пытается понять: как, каким образом сделано это подключение? — и не понимает.

Молчание. Нехорошее, неприятное.

Дрожащий голос:

— ЦПК — не отвечает...

Всё. Конец. Устрица, чужая неладное, плотно сжимала створки — не помогло, их раскрыли острым лезвием ножа... «Вирус...» — понимает Леонед. Он слышал о такой возможности, слышал на уровне слухов, легенды. Враждебная программа существует в виде пакета информации, передаваемой нетрадиционными способами, — колебаниями температуры или гравитационного поля, например. Датчик атакуемого объекта, собирающий внешнюю информацию, сам преобразует вирус в цифровой вид, сам отправляет в обрабатывающий компьютер.

— Ну что, вояки? — спрашивает человек, заполонивший экраны; голос его звучит из динамиков громкой связи. — Пришли в себя? Способны выслушать мои предложения?

Бозадр, командир ДОТа, громко выкрикивает, что он способен сделать с человеком, едва лишь до него доберется. Умирать типу с седыми висками придется долго и мучительно, к тому же весьма постыдным для мужчины образом, но он ничуть не смущается, — похоже, просто не слышит, связь установлена в одностороннем режиме.

— Флаг-капитан князь Игнатъев-Центаврийский, командир крейсера второго ранга «Святой великомученик Сысой».

Голова на экранах изображает легкий, едва заметный поклон.

— Из бывших, сука... — говорит Бозадр, весьма понизив голос, словно князь способен их услышать. — Здоровенные здесь поместья у Центаврийских были, и рудники...

— С-стес-с-с-сь — на ас-с-с-стерои-и-ите? — шипит трезианин, как всегда понимающий все буквально. В интонации вопроса должно бы звучать удивление, но изображать эмоции звуками эта раса не умеет — и на голове трезианина встают торчком короткие мясистые отростки, в обычных обстоятельствах плотно прижатые к черепу.

— На планете! — командир машет рукой куда-то вниз.

Флаг-капитан вновь начинает говорить — официальным тоном, словно зачитывая заранее подготовленный текст:

— Во избежание ненужных жертв и бессмысленного кровопролития предлагаю капитулировать. Время

на размышление — тридцать три с половиной ваших минуты, затем начнется штурм. Каждому, кто поднимется за названное время по зет-туннелю и выйдет наружу невооруженным, гарантируется жизнь. Остальные выходы заблокированы. Время пошло.

Князь делает паузу и добавляет с другой интонацией:

— Хотя я предпочел бы вас раздавить, как загнанных в угол крыс.

И становится видно, что вся холодная корректность «бывшего» — всего лишь маска, скрывающая самую лютую, животную ненависть.

«Что за странный срок — тридцать три с половиной минуты?» — недоумевает Леонед. Потом соображает: флаг-капитан, как и прочие императорские прихвостники, живет по имперскому времени, у них минута метрическая, чуть длиннее, из ста секунд... Если перевести, то наверняка получится нормальная круглая цифра...

Взгляды всех пятерых поневоле тянутся к таймеру. Секунды мельтешат, затем цифра в третьем справа окошечке меняется на другую.

Тридцать две минуты... Тридцать две минуты между жизнью и смертью...

\* \* \*

Пятеро по-прежнему сидят полукругом. Но теперь, развернув вращающиеся кресла, — не спиной, а лицом друг к другу.

Экраны вновь темны, динамики безгласны. Отключили их сами, обесточив, — когда изображение князя Игнатьева-Центаврийского сменилось пропагандистским фильмом. Торжествующий диктор вещал о победоносном наступлении имперских войск, и его слова сопровождались видеорядом: разбитые корабли

и станции орбитальной обороны (все, конечно же, с эмблемами Эриданского Союза), и десантные боты, волна за волной опускающиеся на Марэлен (уже на девятый день войны! разве этого ждали? разве к этому готовились?), и бесконечные колонны пленных, уныло бредущие к имперским транспортникам — истощенные, форма грязная, рваная, в глазах — бесконечная тоска, непонимание: как, как, как такое могло произойти?

Задумываться, где в пропагандистской поделке правда, а где хвастливая ложь и компьютерная графика, не хотелось. Потому что, задумавшись, можно понять: правды много. Иначе не оказался бы ДОТ «Заря свободы» в такой ситуации — здесь отнюдь не граница, не передовая линия обороны. Бета Эрида — глубокий тыл... был совсем недавно.

Леонед и не задумывался, а вскоре исчез объект для раздумий: Бозадр вырубил экраны и динамики.

Молчание. Тяжелое, мрачное.

Все пятеро знают: настоящей драки здесь, внутри каменного ядра астероида, не будет. Да и возможностей для нее нет, все серьезное оборонительное вооружение — наверху, и уже под чужим контролем... Партизанить с личным стрелковым оружием? Так ведь выследят в лабиринте технических туннелей, причем используют их собственную аппаратуру слежения... И прикончат. Раздавят, как загнанных в угол крыс.

Можно, конечно, забиться подальше, сжигая на пути камеры наблюдения и датчики. Можно провести несколько вылазок, уничтожить десяток-другой боевых киберов, при большой удаче — даже пару людей... Но финал схватки предрешен однозначно.

«Почему же они молчат? — не понимает Леонед. — Почему никто не наберется смелости, не скажет

первым: сопротивление бессмысленно, сдаться при таких условиях не позорно?»

Озвучить свои мысли он не решается. Словно бы вернулось детство, собрание ячейки в школе: надо принять решение — добровольное решение, никакое иное — провести лето в трудовом лагере, пропалывая грядки с осточертевшим релакусом... Никто не хочет на постылую каторгу, всем милее податься в деревню, к бабушке-дедушке, или на курорт с родителями (если у тех подошла очередь на путевку), или без затей остаться в городе, но хотя бы самому решать, куда пойти и чем заняться... Никто не хочет, но все молчат — как такое скажешь вслух первым? — а вожатая уже звонким голосом зачитывает решение собрания, и лес рук тянется вверх...

Но сейчас речь идет не о прополке грядок. Об их жизни. И о смерти.

И смельчак находится.

— Что молчите?! — вскидывается Энгвар. — Что тут думать?! Прогадили войну, всё прогадили... Какие песни пели! Малой кровью, да под чужим небом... Ага... Что сидите? Время же идет...

— Иди, — глухо говорит Бозадр. — ДОТа нет, осталась каменная глыба. Командовать мне нечем. Каждый решает сам.

— А вы... — неуверенно начинает Энгвар.

— Иди! — рявкает Бозадр. Командовать ему нечем, но тон вполне командирский.

Энгвар направляется к выходу. Магнитные подшвы лязгают всё медленнее, всё неувереннее. Возле самого люка оборачивается.

— Кто-нибудь еще? — сухо спрашивает Бозадр. Энгвар смотрит с надеждой.

Леонед очень хочет встать, и тоже шагнуть к люку, — но не может. Ноги словно парализованы...

Взгляды оставшихся сидеть как будто гипнотизируют, выпивают волю, силы... «Они психи... Они спятили и не понимают, что смерть — навсегда!!» Леонед сидит. И молчит.

Энгвар, безнадежно махнув рукой, отворачивается, возится с кодовым замком.

Отпереть не успевает. Извилистая синяя молния соединяет его затылок с небольшим цилиндрическим предметом, сжатым в руке командира. Негромкий треск, резкий запах озона. Тело Энгвара изгибается, изгибается назад — словно он в этот неподходящий момент решил заняться гимнастикой и изобразить для начала «мостик».

Теперь видно его лицо — искаженное, изломанное. Наэлектризованные волосы торчат во все стороны. Появляется кровь — из носа, изо рта, из ушей — сначала капли, затем струи. Ни крика, ни стона, остальные тоже безмолвны — и сквозь треск разряда отлично слышен сырой чмокающий звук, с которым глазные яблоки выскакивают из глазниц.

Леонед торопливо отворачивается, содержимое его желудка отчаянно рвется наружу. Треск смолкает. Обмякшее тело рушится и буквально расползается по металлическому полу, лишь ноги согнуты в коленях — магнитные подошвы продолжают работать.

— Ну вот... — буднично говорит Бозадр. — А мы будем драться.

\* \* \*

Выстрелы — отдаленные, еле слышные — смолкают, и Леонед решает: все кончено.

Ошибается — после паузы вновь стрельба, гораздо ближе. Он облизывает пересохшие губы. Еще одна отсрочка... Кто сейчас умирает, чтобы Леонед мог

пожить несколько лишних минут? Какая разница... Потому что смерть дышит в затылок, и никуда от нее не уйти...

Вот она, рядом, — не архаичная старуха с косой, но огромный цилиндр главного энергоблока. Внешний защитный кожух поднят, словно для профилактических работ, и работа предстоит несложная, — одно движение пальца, лежащего на пусковой кнопке бластера, испарит стержни-замедлители, начнется цепная реакция, и...

И всё.

В бездонной черноте космоса вспыхнет и вскоре погаснет маленькая яркая звездочка... Вселенная и не заметит: планеты так же тупо будут вращаться вокруг светил по своим орбитам, и будут копошиться на них миллиарды живых существ...

Лишь его, Леонеда, не станет. Разве только не врут чернорясные мракобесы в своих байках о загробной жизни... Так ведь врут, наверняка врут.

Но почему, почему, почему?!

Лучше бы он дрался сейчас там, в каменном лабиринте. Когда стреляешь, и стреляют в тебя, задумываться некогда. А когда прилетит *твой* разряд — уже и нечем...

Но он — здесь. Судьба. Жребий.

...Бозадру полагалось личное холодное оружие — комкофлот второго ранга, как-никак, что соответствует званию комбата в армии. Архаизм, конечно, для парадов и прочих торжественных церемоний, — но когда командир рванул из ножен клинок, отточенная сталь блеснула неприятно — тусклым таким холодным отблеском, и казалось отчего-то, что оружию хочется, давно хочется попробовать горячей человеческой крови.

У Леонеда что-то дернулось внутри: неужели Боздр сумел прочесть, уловить его панические мысли, и сейчас... Но нет, командир встал, широко расставив ноги, над трупом Энгвара, вертикально поднял кортик. Другой рукой обхватил клинок у самой гарды — плотно, сильно, кровь тотчас же засочилась из разрезанной ладони, закапала на мертвое лицо с пустыми глазницами.

— Кто-то должен взорвать энергоблок.

Трезианин схитрил, хоть и в рамках правил, — не хотел сидеть у реактора, пока другие сражаются и умирают. Он протянул к клинку нижнюю, дополнительную лапу, и она — узенькая, покрытая шевелящимися ворсинками — заняла совсем немного места.

Кровь смешивалась, и капала на труп изменника, и командир сказал спокойно и деловито:

— Потер-е-е-м-с-с-ся... — прошипел трезианин. — С-с-с-евогня мой те-е-нь...

Он, судя по положению отростков, был весьма доволен. Неудивительно — наступил самый важный